

Нань И закончил говорить, отступил на два шага, выскользнул из полубъятий Цинь Июя и медленно, уверенно направился к своему шкафу, откуда достал чёрный рюкзак.

Цинь Июй узнал его – это был тот самый рюкзак, который Нань И принёс из школы в прошлый раз.

Только сейчас он осознал, что Нань И действительно хотел ему что-то показать.

Что же? Он последовал за ним.

Последние несколько дней он не решался приближаться к Нань И, как будто после того объятия между ними возникло негласное правило держать дистанцию. Но теперь, когда это правило было нарушено, Цинь Июй больше не мог сдерживаться – даже полкомнаты казалось ему слишком далёким расстоянием.

Но когда он приблизился, его взгляд упал на то, что Нань И с усилием вытащил из рюкзака, и он замер на месте.

Теперь он действительно сомневался, не пьян ли он, иначе как объяснить, что он, кажется, видит сон.

Он даже рассмеялся. С лёгким щелчком зажегся ночник у кровати, и тёплый жёлтый свет, как мёд, разлился по телу Нань И, его рукам и тому, что он держал в руках.

Школьная форма.

Улыбка на его лице быстро исчезла, и он застыл на месте. Шок, недоумение, хаос, недоверие, сомнения в себе – всё это нахлынуло на него одновременно, затопив его.

Как будто его внезапно бросили в переполненный концерт-клуб, где бушуют страсти, как вулкан, готовый извергнуться, а он стоит на сцене, новичок, совершенно не знающий, как выступать, не понимающий, куда деть руки и ноги. Он только видит, как перед ним множество людей, и каждый из них поднимает голову, и на каждом лице – черты Нань И.

Каждый из них – он.

Тот, кому он помог в снежный день, кто всегда следовал за ним, кто прятался за углом лестницы, кто сидел через два ряда в легендарной комнате для самостоятельных занятий, где, как говорили, водились призраки, кто в дождливый день держал над ним красный зонт, кто играл с ним в кошки-мышки, кто исчез, кого он больше не видел...

Все они были Нань И.

Так вот оно что. Это действительно был янтарь.

Кап – смола времени упала. Загадки юности, запечатанные в этих глазах, были погребены, и только сейчас увидели свет.

Нань И аккуратно разложил школьную форму, расправил рукава, и юный Цинь Июй оказался застывшим в позе, будто готовый обнять.

– Вот она, – его пальцы мягко провели по ткани, он поднял голову и посмотрел на стоящего рядом человека, но вдруг замер, в его глазах появилось недоумение.

Он протянул руку, так же мягко, как только что касался формы, и провёл по щеке Цинь Июя.

- Ты почему плачешь?

Кап - в полумраке комнаты Цинь Июй моргнул, и ещё одна крупная слеза скатилась по его лицу, повисла на подбородке и упала, сверкая, как драгоценный камень.

- Я сам не знаю.

Почему он плачет?

Цинь Июй действительно не понимал себя. Когда он плакал в последний раз? Кажется, это было в тот день, когда он ждал родителей после уроков. Они пришли, но ребёнок устроил истерику из-за игрушки, и его мама, вздохнув, присела, обняла его и перечислила все свои лучшие блюда, чтобы успокоить маленького капризулю.

В тот день он стоял на обочине дороги, провожая их взглядом, и вдруг почувствовал, как его лицо стало мокрым. Он потрогал щеку - вода. Он подумал, что пошёл дождь, но, подняв голову, увидел, что солнце светит так ярко, что аж больно.

Оно выжало из него слёзы.

Он не плакал, когда уходил, не плакал на похоронах, но в этот странный полдень он плакал без причины.

Он вдруг осознал, что мама действительно больше никогда не вернётся.

Его эмоции всегда отставали от его действий. Он жил беспечно, проживал каждый скучный день без забот, а чувства никак не могли угнаться за ним.

Так почему же он плачет сейчас? Что он вдруг осознал?

Когда умный человек теряется, это действительно мучительно.

Сейчас Нань И, кажется, тоже не так остр, он тоже растерян? Его пальцы такие горячие, и он так неуклюже вытирает слёзы, чуть не ткнув ему в глаз.

Вот чёрт. Он хотел увидеть, как Нань И плачет, а сам первым расплакался.

Цинь Июй быстро вытер лицо рукавом, его сердце билось всё сильнее. Он схватил руку Нань И, шмыгнул носом и выдохнул то, что застряло у него в горле.

- Так это ты... призрачный одноклассник.

Боже, мой голос дрожит. Цинь Июй испугался собственных слов.

Он прочистил горло, хотел спросить снова, но Нань И уже кивнул.

Он, всегда избегающий прямых взглядов, теперь пристально смотрел на него, и в его глазах было столько эмоций, как в книге, которую писали много лет. Цинь Июй не мог дочитать её до конца, не мог понять.

- Я не собирался тебе рассказывать, я не знал, что ты помнишь меня... - губы Нань И едва шевелились, - но в тот день ты сказал, что всегда знал о моём существовании, что хочешь

вернуть эту форму...

- Возвращаю тебе, - Нань И выглядел растерянным, его голос был тихим, - прости.

Разумом Цинь Июй понимал, что Нань И хотел вернуть школьную форму, а извинялся за то, что всё это время скрывал правду. Но эти шесть слов, произнесённые вместе, почему-то напугали его.

Поэтому он инстинктивно схватил Нань И за руку, не давая ему уйти.

- Не говори так, ты... значит, ты всё это время помнил меня, с тех пор, как мы учились в школе, до того, как я дебютировал, покинул группу, исчез... ты всё это время...

Поклонялся? Любил? Тайно влюблён?

Цинь Июй ещё не успел подобрать подходящее слово, но Нань И уже кивнул.

- Угу, - он повторял: - Я всё время, всё время... следовал за тобой, искал тебя, хотел увидеть тебя.

Сказав это, он вдруг рассмеялся, как ребёнок, его клыки полностью обнажились, а ямочки на щеках надолго застыли в уголках губ.

- Спасибо тебе, - он тихо повторил Цинь Июю, - спасибо тебе.

Ты дал мне силы бороться с мучительной болью, дал цель, на которую я мог смотреть, помог мне найти выход из ненависти и шаг за шагом привести меня сюда, к тебе.

Спасибо, что помнишь меня.

Ты запомнил меня своей кожей.

Нань И источал сладкий, пьянящий аромат, совсем не похожий на его обычный запах.

Цинь Июй был в смятении, наблюдая, как Нань И протянул руку - ту самую длинную, изящную руку, которая так ловко играла на бас-гитаре. Кончики его пальцев, покрытые тонкими мозолями, через слой шерсти мягко коснулись его шеи.

Пальцы медленно двигались, выписывая первую букву «S» на воротнике свитера.

Цинь Июй почувствовал, как горячая волна поднимается из груди вверх, как будто выпитый алкоголь возвращается обратно, обжигая всё на своём пути. Его зубы непроизвольно сжались, мышцы груди, плеч и всего тела напряглись.

А Нань И был расслаблен, глядя на воротник, медленно выводя буквы. Его губы слегка шевелились, беззвучно произнося каждый символ.

Каждая буква давалась так медленно.

Разве не так и должно быть? - подумал Цинь Июй.

Они встретились в 16 лет, а узнали друг друга только в 22. Шесть лет, больше двух тысяч дней и ночей. Он играл музыку, нёсся по неверному пути, наслаждался всеобщим обожанием на вершине, опускался в отчаяние. Он ничего не знал о том молчаливом мальчике.

А Нань И? Он такой умный, такой пронизательный, неужели он в одиночестве помнил каждую из этих ночей? Они были так близки в начале, потом их разлучили, они оказались в разных уголках страны, кружили, пока снова не встретились в одном городе, снова не приблизились друг к другу, и Нань И терпел его отказы, его избегание.

О чём думал Нань И в ту ночь перед тем, как с этой формой прийти на его совершеннолетие? О чём он думал, когда пропустил его, бродя среди выпускников?

Когда он слышал, как Цинь Июй вспоминал о юности, когда позволял ему безрассудно вести его в ту самую школу, о чём он думал?

[Он действительно не помнит меня, не узнаёт.]

Цинь Июй наслаждался поклонением, исчезал, ждал, когда его вытащат из трясины. А Нань И?

Цинь Июй вдруг понял, откуда взялась та слеза.

Но Нань И всё так же спокойно выводил немецкое слово. Даже самый сильный шторм и водоворот могли бесследно исчезнуть в этом холодном теле.

Даже если закрыть ему оба глаза, он смог бы без ошибок повторить почерк Цинь Июя. На ком же это было выгравировано?

Нань И и сам не понимал.

Когда последняя округлая буква была закончена, как маленький крючок, зацепивший его палец, он не смог опустить руку.

- Моё, - тихо ответил он сам себе.

Воротник обхватывал кадык, пульсирующий в такт сердцу.

Его руку вдруг схватили, и взгляд переместился с воротника на эту руку - шрамы, выступающие вены, переплетённые с ветвями магнолии.

- Угу, твоё, - Цинь Июй ошибся, подумав, что Нань И заявляет права на татуировку.

Он опустил голову, упёрся лбом в лоб Нань И и глубоко вдохнул, вбирая в себя весь этот горячий, сладкий и горький аромат.

Нань И поднял глаза, его ресницы коснулись кожи Цинь Июя. Его мозг был пуст, управляемый алкоголем и необъяснимым желанием, поэтому он не понимал, почему Цинь Июй приблизился. Всё происходило по велению инстинктов.

Когда Цинь Июй слегка наклонил голову и коснулся его носа, Нань И сначала инстинктивно отстранился, откинув верхнюю часть тела назад.

Но Цинь Июй не дал ему отдалиться, поддерживая его за поясницу, их лбы по-прежнему соприкасались, его дыхание обжигало щёку Нань И.

Вскоре Нань И привык и, подражая ему, тоже прикоснулся к нему.

Они стали двумя близкими животными, приближаясь друг к другу самым примитивным способом, их носы терлись друг о друга, дыхание становилось всё горячее, готовое

воспламенить их лица.

Нань И инстинктивно произнёс его имя, пытаясь остановить, но это звучало скорее как приглашение.

- Цинь Июй...

Он не ответил, борясь с последними остатками разума.

С тех пор как он появился на свет, его любили многие, но никто не был похож на Нань И. Он думал, что понимает сердце Нань И, может быть, не до конца, но этого уже достаточно.

Он взял лицо Нань И в свои руки, как будто держал ту любовь, которую видел - глубокую и спокойную, как вода, осторожно, боясь, что хоть капля ускользнёт сквозь пальцы.

Да. Это любовь.

Цинь Июй вдруг осознал. Это слово, которое он никогда не понимал, обрело новый облик, лицо Нань И. Красивое. Острое. Завораживающее. Опасное. Спокойное. Неустойчивое.

Щёлк - гитарная струна лопнула.

Он влюбился в Нань И.

- Цинь Июй, я... - Нань И, прижатый к нему, тяжело дышал, казалось, он хотел что-то сказать.

- Я знаю, - Цинь Июй был уверен в своём суждении. Они оба носили друг друга в своих сердцах.

Нань И, такой трезвомыслящий, сам отдал ему эту школьную форму, разве это не значит, что он выложил перед ним своё сердце? Ему больше не нужно было ни у кого спрашивать, ответ был слишком прост.

Какой должен быть процесс у отношений? Признания, такие банальные, для двух людей, чьи души уже соединены, были просто обузой. Сейчас он хотел сделать только одно, и это желание сводило его с ума.

Цинь Июй тяжело дышал, он постарался успокоиться, глубоко вдохнул и хрипло спросил: - Можно я поцелую тебя?

Нань И, кажется, не расслышал, не ответил, только сам потянул за мешающий воротник.

Выдержав несколько секунд, Цинь Июй всё же наклонился и поцеловал его, но не в губы, а в глаз, прикрытый повязкой.

Это был лишь лёгкий, едва заметный поцелуй, но как только их губы разомкнулись, Цинь Июй почувствовал, как всё его тело вспыхнуло, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Он прикрыл губы правой рукой, отступил на полшага и широко раскрыл глаза.

- Это мой первый поцелуй!

Внутри него кричал голос: этого мало. Мало. Мало...

Но он изо всех сил старался подавить эти мысли.

Это был только первый день, он не хотел казаться слишком торопливым. Нань И только что раскрыл перед ним свою душу, и он должен был быть терпеливым.

Но желание медленно поднималось, и Цинь Июй, глядя на замершего на месте Нань И, снова начал колебаться.

Если они не целовались в губы, это не считается первым поцелуем, правда?

Хотя бы прикоснуться?

Он нервно подошёл, как в первый раз, когда касался гитарных струн, – с напряжением, но и с ожиданием. Осторожно приподнял подбородок Нань И, заставив его поднять лицо.

– Сяо И, можно я ещё раз поцелую? – он подвинул большой палец, который держал подбородок, и нажал на нижнюю губу Нань И, тихо прошептал: – Сюда.

Нань И всё ещё молчал, пристально глядя на него.

Он всегда молчал, Цинь Июй уже привык. Он принял это как согласие.

Всё равно этот человек любит его.

Стрекоза снова коснулась воды. Казалось бы, у него уже был опыт, но Цинь Июй не ожидал, что его тело содрогнётся на секунду.

Это было совсем не то, что через повязку. Это была невообразимая мягкость.

Между их губами была лишь маленькая круглая пирсинг-гвоздика, утопленная в мягкости.

Он никогда не думал, что поцелуй с любимым человеком может быть таким приятным.

Спасите, почему он не понял этого раньше, почему не начал встречаться раньше? Сколько он упустил, ведь они встретились ещё в 16 лет!

Его лицо горело, будто за секунду перескочило из зимы в лето, и отопление в комнате вот-вот его расплавит.

Нос к носу, Цинь Июй жадно вдыхал аромат вишнёвого пива, глядя на лицо Нань И. Его обычно спокойные, но острые и печальные глаза сейчас были влажными, полными желания.

– Ладно, – Цинь Июй запнулся и начал нести чепуху, – спасибо...

Спасибо? За что? Кто благодарит после поцелуя?

– Нет, я не это хотел сказать, я имел в виду... Ммм...

Нань И схватил его за воротник и поцеловал.

Этот поцелуй был как удар молнии, от которого у него закружилась голова, и все невысказанные глупости застряли в горле.

Слегка приоткрытые губы захватили пирсинг на его нижней губе, который он использовал

вместо кольца.

Цинь Июй напряг все мышцы, и под ласками и укусами пирсинг был снят, медленно, выскользнув.

Маленькая блестящая точка. Нань И зажал её зубами, как медиатор для бас-гитары, глядя на него, и разжал зубы.

Дзинь - пирсинг упал на пол.

И теперь новый поцелуй был только между мягкими губами.

Четвёртый...

Тело Нань И было как натянутая струна, казалось, ему трудно было удерживать равновесие. Он давил, толкал, прижимая Цинь Июя к стене.

Его руки сжимали так сильно, что Цинь Июй едва мог дышать: - Ммм... ослабь...

Как только он заговорил, воспользовавшись короткой паузой, язык настойчиво проник внутрь, и он в одно мгновение почувствовал вкус вишнёвого пива. Каждая клетка его тела взорвалась.

Нань И целовал всё глубже, его руки перешли от воротника к шее, губы и зубы сталкивались всё сильнее, звуки поцелуя становились громче.

- Почему... так торопишься...

Он был слишком подавлен, подумал Цинь Июй. Этот мальчик, скрывающий свою боль, казалось, никогда не был по-настоящему счастлив.

Если он будет обнимать его, держать, беречь это сердце, сможет ли он стать счастливее?

Эти мысли потерялись в страстном поцелуе Нань И.

Треск - от трения свитера возник статический заряд, искры разлетелись в разные стороны.

Цинь Июй одной рукой снял этот почти горящий свитер и отбросил его в сторону. Когда он опустил голову, то заметил, что Нань И на секунду замер.

Его лицо мгновенно покраснело, он потянул за край футболки и заикаясь объяснил: - Мне просто жарко, это не значит ничего другого.

- Угу, - Нань И моргнул, его взгляд упал на татуировку на шее Цинь Июя. Он приблизился, наклонил голову и поцеловал её.

Когда клыки коснулись кадыка, Цинь Июй почувствовал, что вот-вот взорвётся.

- Не... подожди... - он схватил Нань И за подбородок, беспорядочно целуя его непослушные губы, боясь, что тот сделает что-то ещё более безумное.

Нань И, казалось, был совершенно равнодушен, его руки поднялись, вцепились в волосы Цинь Июя, цепляясь за его язык.

В полумраке они как-то отошли от белой стены, обнявшись, спотыкаясь, но поцелуй не

прерывался, пока Цинь Июй не упал на кровать, оттолкнутый Нань И.

Колени Нань И упёрлись в край кровати между ног Цинь Июя, он наклонился, внимательно разглядывая его лицо.

Только сейчас Цинь Июй заметил, что повязка на глазу Нань И тоже немного сдвинулась, правое ухо едва держалось.

Он протянул руку, словно шутя, сдвинул белую ленту, и левый глаз открылся.

Повязка болталась, почти падая, как и волосы Нань И.

Рука Цинь Июя коснулась его виска, он тяжело дышал, его голос был тихим: – Ты такой красивый.

Нань И не ответил, казалось, он не хотел это слышать, и снова наклонился, чтобы поцелуем заставить его замолчать.

Пятый или шестой?

Чёрт, счёт потерян.

Он только знал, что на этот раз всё было не так неуклюже. Казалось, у них был какой-то талант к этому, они быстро нашли общий язык в своих желаниях. Цинь Июй лизал его клыки, чувствуя, как спина Нань И слегка дрожит.

Здесь, как и на пояснице, казалось, было очень чувствительно. Через несколько секунд он получил ответ от тела Нань И, но его пальцы всё ещё скользили по коже, лаская, прерывисто говоря: – Если сильнее, то не будет щекотно...

За дверью Чи Чжиян, пьяный, горланил какую-то песню, смешно и нелепо, шум доносился до них, напоминая, что они не одни.

Но никто не обращал внимания, влажные звуки поцелуев смешивались с дыханием, создавая естественный барьер.

В какой-то момент Цинь Июй даже почувствовал, как его душа отделилась, вернувшись в тот яркий класс, где цвели магнолии. Он представил, как поворачивается, хватая этого маленького призрака и загоняет его в угол, угрожая поцелуем.

Зачем убегал?

Он был счастлив и грустил одновременно. Небо должно было встроить в каждого человека плагин любви, который бы подавал сигнал, когда появляется родственная душа. Это было бы справедливо для таких дураков, как они, которые не понимали любви.

Тогда он смог бы схватить Нань И в первую же секунду и не дать ему убежать.

Они бы вместе учились, прогуливали уроки, целовались на крыше, вместе играли на гитарах, создали бы группу. Как жаль, что их первая группа была не с Нань И, чёрт, опять чуть-чуть не хватило, это было ключевое слово его судьбы.

Почему в жизни нельзя начать всё заново? Он сходил с ума. И вдруг яростно углубил поцелуй, но Нань И издал стон.

Этот звук явно напугал их обоих.

Этот звук издал Нань И...

Цинь Июй, как заворожённый, хотел попробовать снова, но Нань И стиснул зубы, решительно не позволяя ему приблизиться, и отстранился, пока Цинь Июй не перевернул его, поменявшись местами.

- Открой рот... - Цинь Июй тихо уговаривал его, - я ничего не сделаю.

Взгляд Нань И был упрямым, казалось, он не собирался уступать.

- Ладно, ладно, - Цинь Июй сменил тактику, поцеловал его мочку уха, зажал блестящую серёжку и, подражая Нань И, поцелуем снял её.

Это был седьмой? Не знаю, но он был с металлическим привкусом.

Он снова услышал тот приятный и удовлетворённый стон, вырвавшийся из сжатых зубов.

Он обнял Нань И, почти вдавливая его в себя.

Так сильно любил. Он никогда так сильно не любил другое живое существо.

Уткнувшись в тёплую шею, Цинь Июй был окружён сладостью, он повторял его имя: - Нань И. Нань И, Сяо И...

- Мой басист, мой младший...

- Маленький призрак, призрачный одноклассник...

Вдруг он что-то вспомнил и, взволнованно, прижавшись к уху Нань И, сказал: - У меня тоже есть кое-что для тебя.

Но тут же вспомнил, что это не с ним, ему нужно было вернуться и забрать.

- Через несколько дней я принесу и покажу тебе, хорошо?

- Угу, - Нань И повернул голову и ответил ему новым страстным поцелуем.

Ночь была длинной, они целовались, останавливались, но паузы были короткими. Стоило им встретиться взглядом, как они снова попадали под чары.

После десятого поцелуя Цинь Июй окончательно перестал считать. Он просто обнял его, полностью погрузившись в их переплетение. Пока Нань И не уснул от усталости у него на руках, его дыхание стало ровным, как тихий дождь после бури.

Во сне он не выглядел таким холодным, как обычно. Он был спокоен, только его лицо было измято поцелуями, волосы прилипли к щекам, губы были красными, а на переносице остался след от повязки.

Цинь Июй наклонился, осторожно поцеловал его, затем перешёл к тонким векам, коснулся их. Так он нежно поцеловал всё его лицо, прежде чем уютно устроиться спать.

Боясь разбудить его, Цинь Июй левой рукой, обнимающей его, сделал на его пояснице жест,

который он выучил и не забыл, – беззвучное «спокойной ночи».

Нань И разбудил собственный будильник в 7:30 утра.

Он обычно легко вставал, но сегодня всё было иначе. У него дико болела голова, и звук будильника только усилил страдания.

Нахмурившись, он нащупывал телефон, но вдруг почувствовал что-то неладное.

Это была знакомая рука.

Он вздрогнул, сон как рукой сняло. Нань И резко открыл глаза и увидел лицо Цинь Июя прямо перед собой.

Виски пульсировали, первой мыслью было: а не лунатик ли опять Цинь Июй?

Неужели на этот раз всё зашло так далеко? Он поднял руку и увидел, что их пальцы сплетены. Сколько они так пролежали, всю ночь? Пальцы онемели.

– Нань И, твой будильник... – Цинь Июй, кажется, сквозь сон пробормотал, – выключи...

Что за ситуация...

Нань И вырвался из его объятий, с яростью выключил будильник, который только усиливал его головную боль.

Мозг завис на десять секунд. Солнечный свет пробивался через щель в занавеске, падая на подушку. Маленькая блестящая точка привлекла его внимание. Нань И протянул руку и поднял металлическое кольцо.

Это уже не было кольцом для губы, это был якорь. Воспоминания хлынули в его сознание, как прилив. Каждая деталь была ужасно ясна.

Грохот – это был звук обрушения жизни Нань И.

Когда он был на грани срыва и клялся никогда больше не пить, та рука с татуировкой дерева каким-то образом снова нашла его, словно магнит, точно попав в его руку и вцепившись в неё.

Снова пальцы сплелись.

– Сонный, поспи со мной ещё...

<http://bllate.org/book/14694/1313176>